

ТОНКОЕ ИСКУССТВО ГУМАНИЗМА

Несколько кратких зарисовок о том, как мировая киноиндустрия берет за основу фильмов сценарии с откровенно христианским сюжетом, не обходя даже Библию, но умудряется при этом выхолостить христианский подтекст, превратив результат в откровенную оду гуманизму.

*«Что бы вам ни говорили, вам говорят не всю правду»
(Первый закон масс-медиа)*

Подозрение у меня начало закрадываться давно. Помню, как много лет назад буквально за сутки, трясаясь на верхней полке купе поезда, забыв о еде, сне и тем более дорожной скуке, я жадно поглощал трилогию Толкина «Властелин колец». Не знаю, как вас, но меня в этой саге более всего поразила тема зла, которая красной нитью проходит через все повествование. Именно зло является главным героем и центральной идеей трилогии.

Это сага о том, насколько зло вездесуще и всепоглощающе. Какие причудливые и внешне безобидные формы оно способно принимать. Как в самой, казалось бы, чистой душе с легкостью прорастают его семена. Какое мужество необходимо, чтобы противостоять ему — как вне, так и внутри самого себя. Что единственным эффективным оружием против него являются дружба, преданность и любовь, и что при всей своей кажущейся мощи и непобедимости зло крайне хрупко, уязвимо и, хоть и способно временно одержать верх, несет в себе приговор самоуничтожения. В общем, вы поняли: легендарium Толкина произвел на меня очень сильное впечатление. Поэтому неудивительно, что, когда на экраны вышла одноименная киносериология, я бросился смотреть в ожидании повторения изначального удовольствия.

Алексей Ефетов, руководитель христианского издательства «Нард» (nard.com.ua), автор киноголога «Вокруг да около кино» (okolokino.net) (Киев).

Каково же было мое разочарование обнаружить, что именно эта тема была, словно ножом, начисто вырезана из всех трех фильмов. Остались захватывающие приключения, первоклассные сюжетные ходы, яркие персонажи, умопомрачительные батальные сцены, но... без того главного стержня, который в книге и придавал смысл, красоту и ценность всему вышеупомянутому. Впрочем, тогда я воспринял это как случайность, хотя и досадную.

Отметим также, что трилогия «Властелин колец» положила начало новому периоду кинематографа. Она принесла рекордные три миллиарда долларов кассовых сборов, в 10 раз окупив бюджет съемок и получила снова-таки рекордных 17 «Оскаров», указав таким образом Голливуду на новую и доселе неосвоенную золотую жилу в виде христианского и околочристианского фэнтези. Мы еще вернемся к этой теме позже.

Страсти по «Страстям»

◆ А всего через год произошел еще один прорыв. Вы, наверное, помните, как в 2004-м мировое христианское сообщество с нетерпением ожидало выхода фильма «Страсти Христовы» режиссера Мэла Гибсона, как жадно ловили и живо обсуждали каждую новость, связанную с этой картиной. Как потом целыми общинами ходили в кинотеатр, приглашали родственников, знакомых, коллег по работе... Фильм действительно получился гениальный, во многих отношениях. Уверен, что вы смотрели его, поэтому нет смысла здесь обсуждать его духовную ценность и художественные достоинства.

Сосредоточимся на другом. Такое редко случается в христианстве, но фильму также сопутствовал неза-

урядный кинематографический и коммерческий успех. Сборы по миру составили более полумиллиарда долларов, что в 20 (!) раз окупило бюджет съемок. «Страсти Христовы» хотели номинировать на «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке (если помните, там герои говорят на арамейском и разговорной латыни) и предлагали даже закрыть глаза на тот факт, что картина снята американской студией. Этот проект также стал незаурядным технологическим прорывом: с него пошла новая стратегия продвижения фильмов, получившая название «пиромаркетинг» (непосредственное влияние на лидеров мнений для формирования повышенного интереса аудитории) и даже принципиально новый состав смеси, которая заменяла в кадре кровь. Короче, Мэл Гибсон оказался умницей во всех отношениях, а Голливуд с приятным удивлением вновь открыл для себя нишу, пребывающую в забвении со времен «Бен-Гура», но как оказалось, с далеко не исчерпанным потенциалом — аудиторию практикующих христиан с запросом на библейские темы и чистое кино.

Так, кстати, возникла FoxFaith — целое подразделение киностудии 20th Century Fox со слоганом «Фильмы для вашей веры», — нацеленная исключительно на христианскую аудиторию. Однако в итоге фокус не удался. Выпустив за три года с десятком открыто средненьких картин, эта студия ушла в небытие. Но ободренные коммерческим успехом «Властелина колец» и «Страстей» киношники не сдавались и продолжали нащупывать почву в области духовного, христианского и библейского, понимая, как показал опыт FoxFaith, что для привлечения массового зрителя решение «в лоб» не подходит. Необходимо бы-

Кадр из кинофильма «Страсти Христовы» (2004, режиссер Мэл Гибсон)

ло сохранить красоту христианской классики и драматизм библейских повествований, как-то совместив это с запросами широкой аудитории. И, надо заметить, Голливуд сумел виртуозно пропетлять.

Заключение Нарнии

◆ Наверное, столь же ожидаемой христианским сообществом, как «Страсти Христовы», стала экранизация в 2005-м первой книги из «Хроник Нарнии» К.С. Льюиса – «Лев, Колдунья и платяной шкаф».

Я, помню, возлагал большие надежды на этот фильм. Дескать, Льюис – он «наш», настоящий, там христианский посыл настолько очевиден, что перевернуть будет просто технически невозможно – развалится все остальное. Но современное кино не устает удивлять.

Помните, с чего начинается фильм?

Если вы читали книгу, то, наверное, обратили внимание, что в сценарии была дописана первая сцена бомбардировки Лондона самолетами люфтваффе, которая отсутствует в книге. Зачем, спрашивается? Что такого она дает дальнейшему повествованию? Как оказалось, немало. За несколько первых минут фильма, когда на дом семьи Певенси обрушивается с неба град бомб, а дети вместе с мамой прячутся в приспособленном под убежище погребе во дворе, мы узнаем многое о раскладе взаимоотношений. Питер, оставшийся за старшего в семье, берет на себя руководство эвакуацией. Но в последний момент, когда небо уже разрывает вой самолетов и грохот взрывов, Эдмунд (младший брат), рискуя жизнью – и своей, и Питера, – бросается обратно в дом, чтобы спасти из спальни фотографию ушедшего на фронт отца.

Казалось бы, незначительная деталь, но она переворачивает вверх дном весь евангельский пафос повествования Льюиса. Эдмунд больше не может восприниматься как прообраз падшего человечества. Все его дальнейшие поступки и решения начинают восприниматься в ином свете. Он не маленький мерзавец с испорченным сердцем, способный предать не только друзей, но родных сестер с братом за горсть рахат-лукума и сиюминутную выгоду. Не наглый эгоист, который ради собственного комфорта и безопасности готов причинять страдания окружающим. Нет, он просто очень любит папу и сильно скучает за ним, отсюда и все его выходки. Такая вот форма протеста. Ну что с него взять? У ребенка трудное детство...

Он больше не грешник. Теперь Эдмунд — жертва обстоятельств, а потому его поступки по-человечески понятны и вполне простительны. До чего современно звучит! И когда Аслан решает отдать за него собственную жизнь, то это выглядит уж никак не аллюзией на незаслуженную благодать искупительной жертвы Христа, а скорее восстановлением справедливости — дескать, лев разглядел в трудном ребенке то, чего не смогли заметить окружающие...

Этот гениальный в своей простоте ход позволил авторам снять весь оставшийся фильм предельно близко к оригиналу и вместе с тем начисто лишить его глубокого христианского послания, которое было заложено автором. Зритель, не читавший книгу, естественно, не заметил подмены и воспринял фильм «на ура» как добротный образчик жанра приключенческого семейного фэнтези. Кино собрало в прокате три четверти миллиарда долларов, которые вдохновили

экранизацию двух следующих книг о Нарнии — «Принц Каспиан» (2008) и «Покоритель Зари» (2010). Задел состоялся, технология отработана, зритель подготовлен и уже знает, что и как надо воспринимать, поэтому два последующих фильма лишь с небольшими отходами от канвы оригинала разделили судьбу «Льва, колдуньи...» на полке семейного приключенческого фэнтези. Теперь неверующие люди искренне удивляются, когда им рассказываешь, что К.С. Льюис — это, оказывается, выдающийся христианский писатель, а «Хроники Нарнии» несут совершенно ясное евангельское послание. Согласитесь, эстетичная работа на поприще пост-правды.

Дальше — больше. Интуитивно нашупанная, но мастерски реализованная Голливудом стратегия оказалась настолько универсальной, что позволила не останавливаться на христианской классике, но замахнуться и на само Священное Писание.

Потоп как ода гуманизму

◆ Фильм «Ной» Даррена Аронофски («Реквием по мечте», «Фонтан») снятый в 2014-м году с мужественно-суровым (и еще не располневшим) Расселом Кроу в главной роли хоть по идее стала экранизацией библейских событий, однако изрядно искажает оригинал. Если вы думаете, что, прочитав 6–9 главы книги Бытие, уже знаете сюжет, то сильно ошибаетесь.

Помню, я сидел у экрана с возрастающим чувством искреннего удивления. Вспомнилось из Михаила Жванецкого: «Оркестр сыграл фантазию, в которой с трудом угадывался похоронный марш». Нет, кино получилось динамичным и зрелищным. Вас постоянно держат в кадре. Сцены паломничества зверья к ковчегу и соб-

Кадр из кинофильма «Ной» (2014, режиссер Даррен Аронофски)

ственно потопа весьма величественны, а бесчинства Каинового семени сняты эффектно и внушительно. Некоторые режиссерские решения относительно устройства допотопного мира весьма оригинальны и даже остроумны. В кадр попали падшие ангелы и динозавры, иной состав атмосферы и вид доисторического природного ландшафта нашей планеты прямо по классике креацианизма. Но! При всей этой скрупулезности — ради чего скажите было так курочить библейский сюжет? Зачем строить едва ли не основную интригу фильма на вопиющем гендерном дисбалансе постпотопного мира, если это прямо противоречит оригиналу? Ведь Библия неоднократно упоминает, что все сыновья Ноя укрылись в ковчеге с женами. Какая такая идея стоит того, чтобы настолько откровенно пренебрегать единственным историческим первоисточником?

Ответ пришел буквально на последних минутах фильма. В разговоре с

Ноем единственная на земле женщина фертильного возраста произносит пророчески:

Он ведь неспроста выбрал тебя,
Ной.

Он показал греховность человека,
зная, что ты не отвратишься.

А потом ты узрел праведность.
Выбор зависел от тебя, ибо Он доверил тебе выбирать.

Он попросил тебя рассудить, достойны ли мы спасения.

И ты выбрал милосердие. Ты выбрал любовь.

Он дал нам еще один шанс... Будь же отцом. Будь дедом.

Помоги нам избежать ошибок. Помоги начать сначала...

Вот в чем таилась разгадка. Режиссерский гений Аронофски сумел превратить одно из самых грандиозных свидетельств Божьего всевластия и величия в громкую оду гуманизму.

Всеведущий и всемогущий Бог, создавший небо и землю и все то, что их населяет, — включая людей, от-

вергнувших в Эдеме своего Творца и ставших на путь беззаконий, — решил уничтожить погрязшее в грехах человечество, утопив его в водах насланного Им Великого потопа. А вот после этого Он полностью отдал решение дальнейшей судьбы мира в руки праведного Ноя. Вот, оказывается, кому род людской обязан в конечном итоге своим существованием, вот кто наш новый творец и спаситель. Действительно, звучит очень современно и явно стоит того, чтобы низвести библейскую историю до сюжета «Безумного Макса».

Впрочем, с другой стороны, сюжетная канва требует от режиссера вpleсти в нее много моментов, говорящих о взаимоотношениях Бога с людьми. И Рассел Кроу-Ной вместе с Энтони Хопкинсом-Мафусаилом, несмотря на весьма почтенный возраст в 600 и 969 лет соответственно, смогли убедительно воплотить их на экране. Всепроникающее зло в образе харизматичного Рэя Уинстона и не только, греховность человеческого сердца, поиски Божьей воли, верность и мужественное послушание ей, принесение в жертву видимого ради Невидимого — все эти моменты в фильме присутствуют и переданы виртуозно. Вот только общая мораль подкачала. Но это, как мы понимаем, — часть режиссерского замысла с оглядкой на вышеупомянутые запросы зрителя.

Безысходность «Исхода»

◆ Фильм Ридли Скотта «Исход: Цари и боги» с Кристианом Бэйлом в роли Моисея на фоне «Ноя» вызывает уже меньше удивления, хотя творческий гений режиссера здесь идет еще дальше в интерпретации библейских событий, на которых по идее основывается фильм.

Слоган картины: «Он бросил вызов империи и изменил мир» говорит за себя. Вы, наверное, догадались, кто такой этот «он». Доблестный воин и прирожденный лидер Моисей, принц Египта, попадает в немилость у фараона за открывшийся факт своего туманного происхождения. Его отправляют в ссылку в пустыню, но он возвращается и возглавляет борьбу поработанного еврейского народа за свою свободу и независимость. Следуя всем правилам повстанческой науки, включая диверсии, саботаж, военную подготовку и вооружение бойцов, Моисей в итоге берет верх и завоевывает для евреев путешествие в землю обетованную.

В этом ему, конечно, помогает Бог, несколько раз появляющийся на экране в образе мальчика с лицом и замашками капризного ребенка — непонятно, реального или только привидевшегося Моисею. Но помогает как-то странно, всячески дистанцируясь от происходящего и словно бы стремясь к каким-то своим, непонятным людям целям и находя лишь временную выгоду в союзе с Моисеем. Короче, совершенно не так, как вел себя реальный Бог в книге Исход. Сомнительный внешний вид, подкрепленный на протяжении всего фильма репликами вроде:

— Что это за Бог, который велит человеку покинуть его семью? (Сепфора) — И это твой Бог — убийца детей?!

Что за изуверы поклоняются такому Богу?! (Фараон)

внушает зрителю естественное чувство осторожной неприязни к такому божеству.

Посох Моисея, ударом которого он разделяет воды Красного моря, был символично заменен сценаристами на меч, и главный герой часто пускает

Кадр из кинофильма «Исход: Цари и боги» (2014, режиссер Ридли Скотт)

его в ход. Странная на первый взгляд приписка в названии фильма, тем не менее, хорошо раскрывает замысел его создателей. Это кино о противостоянии двух царей, двух лидеров наций, соперничающих волею судьбы друг с другом с самого детства, и их не совсем понятных богов. Вот такое в итоге получилось кино — грандиозное, динамичное, невероятно зрелищное... но бесконечно далекое по духу от первоисточника, лежащего в его основе.

Оказывается, задача снять антибиблейский фильм по библейскому сюжету, которая и звучит-то как оксюморон, на практике оказывается вполне решаемой.

Следует отметить, что подобные продукты кинопрома являются исключительно феноменом нового XXI века. Раньше такие фантазии вряд ли были бы благосклонно приняты аудиторией (вспомним жесткую критику «Иисуса из Назарета» Франко Дзеффирелли). Уж больно много народу реально читало Библию и не понаслышке знало ее содержание. Еще больше было знакомо с библейскими

сюжетами как частью своей культуры и воспитания. Но время изменило все с точностью до наоборот. Современное поколение, которое знает Микеланджело, Донателло, Рафаэля и Леонардо исключительно как четырех черепашек-ниндзя, а также искренне уверено в том, что Бетховен — это имя собаки, формирует свое представление о Священном Писании на основе таких вот блок-бастеров. Как часто в ответ на вопрос: «А вы читали эту книгу?» — следует убедительный ответ: «Нет, но видели фильм».

Абсолютное большинство людей, посмотревших две вышеописанные картины, ничтоже сумняшеся отмечают себе на подкорке, что знают библейскую историю Ноя и знакомы с книгой Исход. И будут с этим жить дальше. Так и формируется ментальность эпохи пост-правды.

Реалии пост-правды

◆ Мне кажется, что современный кинематограф вносит щедрую лепту в формирование информационного про-

Кадр из кинофильма «Исход: Цари и боги» (2014, режиссер Ридли Скотт)

странства пост-правды, — по крайней мере, одной из его граней. Приведенные выше зарисовки занимали ваше время и внимание, имея целью показать, как примерно это происходит.

Ирония в том, что едва ли стоит обвинять в этом сам Голливуд. Библия и христианская литература действительно полны крепких добротных сюжетов, которые хочется экранизировать — особенно при нынешнем кризисе идей, когда римейки старых фильмов делаются уже по третьему заходу. Преградой на этом пути долгое время стояло главное послание, которое несли все эти сюжеты — пугающее для мира, чуждое толерантности, претендующее на эксклюзивность, — словом, неприемлемое для широкой аудитории. Но киношники научились мастерски эту преграду обходить. И широкая общественность им это позволила — вот в чем беда.

Так что первопричину стремительного формирования этого своеобразного окружающего информационного пространства, которое сегодня при-

нято называть пост-правдой, следует искать в нас самих. Когда критическое мышление вышло из моды (как нетолерантное), шутка Льюиса Кэрролла (кажется, из «Охоты на Снарка»): «Истина — то, что повторено трижды» превратилась в основной принцип формирования информационных потоков.

Забывая на каждом шагу, что «что бы нам ни говорили, нам говорят не всю правду», мы сегодня живем в странном мире, где после выборов каждый из кандидатов традиционно заявляет о своей победе — и даже прямой подсчет голосов этому не помеха. Где исход судебного процесса решает не ворох улик и убедительность адвокатов, а кампания, организованная в Фэйсбуке и толпа с плакатами у здания суда. Где оккупация называется братской помощью, а террористы — повстанцами. Где представление о людях формируется по их профилю и постам в Инстаграме. Каждый может легко продолжить перечень.

И самое печальное то, что мы, кажется, уже начали ко всему этому привыкать.